

Георгий Григорьевич Тигранов (1908–1991)

В 1934 году окончил музыковедческое отделение теоретико-композиторского факультета Ленинградской консерватории. Там же, в 1937 году — аспирантуру (науч. рук. С. Л. Гинзбург). В 1930–1935 годах — преподаватель теоретических предметов в музыкальном училище. С 1946 года — ассистент, с 1947-го — профессор Ленинградской консерватории. Одновременно, с 1940 года — профессор Ереванской консерватории.

Канд. дисс.: О некоторых чертах музыкальной драматургии опер Верди (1940).

Докт. дисс.: О путях и проблемах развития армянского оперного искусства (1947).

Книги: *Асафьев Б. В. Очерки об Армении* / Сост., ред., автор вступ. статьи Г. Г. Тигранов. — М., 1958.

А. Спендиаров: по материалам писем и воспоминаний / Предисл. А. И. Шавердяна. — Ер., 1953.

Александр Афанасьевич Спендиаров: Монография. 2-е изд., испр. и доп. — М., 1971.

Балеты А. И. Хачатуряна. — М., 1960.

2-е изд., доп. — Л., 1974.

Константин Сараджев. — Ер., 1961 (на арм. яз.).

2-е изд. доп. — Ер., 1975 (на арм. яз.).

Опера и балет Армении. — М., 1966.

Аро Степанян: Очерк жизни и творчества. — М., 1967.

100 лет армянского музыкального театра: Исследование. — Ер., 1968 (на арм. яз.).

Арам Ильич Хачатурян: Очерк жизни и творчества. — Л., 1978.

Балеты Эдгара Оганесяна: Монографический очерк. — Ер., 1981 (на арм. яз.).

Арам Хачатурян. — Ер., 1984 (на арм. яз.).

Музыка в борьбе за гуманизм и прогресс: Очерки. — Л., 1984.

Арам Ильич Хачатурян: Монография. — М., 1987.

Эра БАРУТЧЕВА

Приношение к юбилею ученого, учителя, музыкально-общественного деятеля

«Всякий день — праздник,
солнце торжественно всходит
и по-новому раскрывает все на земле»

М. Сарьян

Прекрасные слова мудреца и пантеиста, великого художника Мартироса Сарьяна неизменно возникают у меня в памяти при мысли о светлом человеке — моем учителе. Так всегда и казалось — каждый день для него — праздник, а сам он — творец этой атмосферы любования миром.

Георгий Григорьевич называл в шутку самого себя сэром Джоном Фальстафом — ему нравилось в жизни ренессансно-рубенсовское полнокровие, своеобразный гедонизм. Тут все «играло на образ»: бархатный звучный баритон, склонность к беззлобным мистификациям, врожденный артистизм, природное чувство юмора. Он любил и умел театрализовать действительность.

Магистральная линия его работ, увенчанная докторской диссертацией, а затем широко известной монографией, удостоенной в 1979 году Государственной республиканской премии, связана с армянским музы-

кальным театром. Георгий Григорьевич премного работал в архивах, совершив заметное открытие в датировке появления первой армянской оперы, изучал также только что созданные оперы и балеты современных национальных авторов, оставил фундаментальный труд, ставший исходным для своих последователей в области изучения музыкального театра Армении. В наследии Г. Г. Тигранова тема эта главная, но не единственная в мире театра. Предваряло ее и соседствовало с ней изучение оперного и балетного искусства разных времен и народов. Были тут и Верди (дипломная работа, а потом и кандидатская диссертация), и Вагнер (работа в научном консерваторском семинаре), и русские классические и советские оперы и балеты (в учебниках по современной советской музыке, в лекционных циклах), и статьи о театральном деятелях (как, например, о И. В. Ершове). Более того — профессионально

занимался Георгий Григорьевич и оперной режиссурой. Словом, Театр привлекал Тигранова и рассматривался им всю жизнь — во всех ипостасях, ракурсах и жанрах.

Были у Тигранова и другие любимые темы. Неоднократно обращался он к личности и творчеству А. А. Спендиарова. Любил и ценил А. И. Хачатуряна, много писал о нем, переписывался с ним. Издал книги о дирижере К. С. Сараджеве, интереснейшем музыканте из круга Держановского, Прокофьева, Мяскового. Живо присматривался ко всему ходу развития армянской классической музыки. Столь же заботливо, хоть уже по-иному, с иных позиций, освещал он историю родной Ленинградской–Петербургской консерватории, выступал на ее юбилеях, был составителем сборников, редактором многих книг по истории консерватории, писал статьи о ее деятелях, об облике здания, о залах и интерьерах.

Применительно к Георгию Григорьевичу слова «дружба народов» никогда не носили стерто-формального, идеологически-дежурного характера. Интернационалист по натуре, он тяготел к искусству разных народов мира, был широко открыт всем национальным культурам. Размышлял об общем и особенном, стремился понять инакомыслие, принять иноязычие. Он ездил на пленумы и съезды, где знакомился с сочинениями других национальных школ, потом участвовал в обсуждении услышанного, показывал новинки ученикам. Да и среди его воспитанников было немало представителей ряда близких и дальних регионов нашей страны. Он — вот уж действительно по праву — имел орден Дружбы Народов.

И еще — о неформальности полученных наград и почетных званий: Георгий Григорьевич Тигранов был одновременно заслуженным деятелем искусств Армянской ССР, и заслуженным деятелем искусств Российской Федерации; вправду был Деятелем, и вправду имел Заслуги. В течение нескольких послевоенных десятилетий он делил свою жизнь почти пополам между Ереваном и Ленинградом. Тигранов получил специальное разрешение на такое совместительство — притом, что в те времена не очень-то поощрялось любое совместительство вообще, даже в пределах одного города, а тут — межреспубликанское! Самолет регулярно переносил уникального специалиста из одного города в другой и обратно. И там, и тут у мэтра были консерваторские обязанности, научные интересы, активное участие в общественной жизни, и конечно же, и там, и тут воспитывались ученики. Георгия Григорьевича любили и чттили. Заветам учителя старались хранить верность.

Тигранов умер в одночасье, в своем кабинете, во время работы над очередной книгой. Никто не видел его побежденным, он сумел остаться живым, уходя в иной мир.

Похоже, он вытянул у Провидения счастливый билет.

Имел **призвание** — и радостно служил избранному делу.

Имел **признание** — и официальное, у властей страны, и дружеское — у широкого круга людей — родных, близких, коллег, учеников.

Уверена — судьбу его безоговорочно можно назвать счастливой.

В сборнике, который выпущен Санкт-Петербургской консерваторией к 100-летию Г. Г. Тигранова¹,

хотелось, по мере возможности, отразить своеобразие неповторимой личности выдающегося мастера, его интересы исследователя, его облик умного педагога, красноречивого оратора и просто обаятельного человека. Потому тут представлена развернутая тематическая и жанровая панорама, отсылающая к самым различным странам, эпохам, стилям: Георгий Григорьевич был азартным, равнодушным человеком широких взглядов, и приветствовал любые нестандартные начинания.

Драматургия книги выстроилась словно бы сама собой. Семь разделов, каждый из которых отражает ту или иную сферу интересов Георгия Григорьевича, по-своему продолжает рассматривать любимые им исследовательские темы.

Естественно, широко представлен музыкальный театр. О балете «Монологи Ричарда III» и опере «Землетрясение» Авета Тертеряна написала известный ереванский музыковед М. А. Рухкян, а о значении Тигранова в разработке проблематики анализа армянского балета — балетовед Н. Г. Саргсян. Театральной концепции Прокофьева посвящена статья автора многих книг о прокофьевском творчестве Л. Г. Данько, проблеме воплощения тенденций старообрядчества в «Китеже» — статья последнего выпускника Тигранова в Ленинградской консерватории В. В. Молзинского. Конечно же, присутствуют в разделе «В мире музыкального театра» и Верди («Вторые редакции опер Верди» А. К. Кенигсберг), и Вагнер («Опера одного театра» Е. В. Матросовой, имеющей в виду «Парсифаль» в Байройте).

«Вослед другим любимым темам» шли авторы: З. М. Гусейнова («А. А. Спендиаров Письма к Н. Ф. Финдейзену»), Г. Ш. Геодакян («Традиционное и новаторское в музыке А. И. Хачатуряна»), Э. А. Мирзоева («К. С. Сараджев — Продолжение», где речь идет уже о дочери Константина Соломоновича, выдающейся арфистке и педагоге Кире Константиновне), Ю. А. Минкина (сосредоточившаяся на истории Зала имени А. К. Глазунова в консерватории, которой посвящался не один труд Тигранова).

О Георгии Григорьевиче, педагоге и воспитателе написали в разделе «Уроки Тигранова» музыканты и Еревана, и Ленинграда–Петербурга. И каждый — от музыковедов К. Э. Худабашян и К. А. Джагацпанян до исполнителей А. М. Вавилиной и А. П. Никитина — подчеркивал, что неизменно доброжелательный, тактичный, внимательный к младшим коллегам, чуткий и мудрый Георгий Григорьевич давал подлинные «уроки жизни».

Нашлось место в сборнике для музыки марийской (Л. В. Казанская), латышской (О. Э. Гравитис), японской (А. Б. Сидякина) и объединяющей идею интернационализма традиции, связавшей Тигранова с его учителем С. Л. Гинзбургом (Т. В. Брославская).

Особое место занял в сборнике раздел «В кругу друзей». О своем отце, дирижере И. О. Хараджаняне написал видный пианист, представляющий уже 40 лет музыкальную культуру Латвии Р. И. Хараджанян. О другом друге, режиссере Оперной студии В. А. Чарушникове рассказала молодой исследователь О. Н. Гаврилина. Материалы о коллегах Георгия Григорьевича, профессорах Б. А. Арапове и А. Н. Дмитриеве сложились в разных жанрах. О первом помещена статья А. Д. Мнацаканяна «Учитель», а ко второму обращены письма, публикуемые впервые. Тигранов

¹ Георгий Григорьевич Тигранов. К 100-летию со дня рождения: Статьи. Материалы. Воспоминания / Сост.: Э. С. Барутчева, И. К. Тигранова; Ответ. ред: И. С. Барутчева. — СПб: Сударыня, 2008.

и Дмитриевы были сверстниками и единомышленниками, высоко чтили своего общего наставника Б. В. Асафьева, вместе составляли сборники, посвященные советской симфонии и т. д. Письма Георгия Григорьевича отправлялись Анатолию Никодимовичу из Еревана.

В седьмом разделе «с любовью посвящались» Георгию Григорьевичу «пестрые листки воспоминаний»: «штрихи к портрету» предложили профессора СПбГК Л. Г. Ковнацкая, В. В. Смирнов, И. С. Федосеев, крупные армянские композиторы Э. М. Мирзоян и А. Г. Арутюнян, дирижер Ю. А. Давтян, создательница Дома-музея А. И. Хачатуряна в Ереване Г. А. Арутюнян, бывший директор Дома-музея А. А. Спендиарова В. А. Бальян, ученики Тигранова И. Р. Аванесова, А. Г. Будагян, Э. С. Барутчева, М. А. Рухкян.

Как можно увидеть, среди авторов, принявших участие в приношении Мастеру, — ведущие научные сотрудники и доктора наук Санкт-Петербурга и Еревана, коллеги, бывшие ученики, ученики учеников, музыканты различные по возрасту, опыту, научному весу. Двух авторов следует выделить особо: это дочь Георгия Григорьевича, профессор Ереванской консерватории Ирина Тигранова (она также один из составителей сборника) и ее сын, внук Г. Г. Тигранова, профессор музыки в г. Куэнка (Эквадор) Рубен Тертерян,

автор солидного научного труда «Музыкальная драматургия. К вопросу комплексного анализа музыки».

А главный автор, открывающий сборник в разделе «От первого лица» — сам Георгий Григорьевич, с его мемуарами «Из прошлого в будущее. О моих учителях». Рукопись осталась незавершенной, но публикуемые фрагменты представляют очень большой интерес, ценны с самых разных точек зрения. В них живо ощущается Время — начало того «необычайного» XX века, когда на смену размеренному благополучному быту в интеллигентной семье статского советника, — с непременным занятием искусствами, с летними поездками в Швейцарию и Германию, пришла новая эпоха «бури и натиска», при поступлении в консерваторию надо было, кроме музыкально-теоретических предметов сдавать физику, алгебру, геометрию, географию, историю и другие предметы, а в самой консерватории складывалась новая эстетика, формировалась музыковедческая школа, работали выдающиеся специалисты.

Сборник завершает Приложение, содержащее материалы из архивов Еревана (Н. З. Аветисян) и Санкт-Петербурга (список трудов Тигранова составил А. Б. Павлов-Арбенин). В книге публикуются неизвестные фотографии, архивные документы, «Выпись из родословной Тиграновых» и другие небезынтересные материалы.

Наринэ АВЕТИСЯН

Диалог культур

Немало было и еще будет сказано о многогранной творческой, научной и педагогической деятельности Георгия Григорьевича Тигранова, чьи многочисленные научные и публицистические труды вдохновляют по сей день.

Г. Г. Тигранов — представитель двух народов, двух культур. Городам Санкт-Петербургу, где он родился и получил образование, и Еревану, столице Армении, он остался верен навсегда. Квартира родителей Георгия Григорьевича в Санкт-Петербурге на Фонтанке являлась одним из «небольших культурных очагов», где бывали ученые, музыканты, художники. «...Воспитали меня не только наставники в школе, в вузе, но гораздо более широкий круг замечательных людей, с которыми мне посчастливилось общаться...», — пишет Тигранов в своей работе «Из прошлого в будущее (о моих учителях)»¹, и затем продолжает: «...а традиции семьи, общественная среда, в которой ты рос, воспитывался, жил. Разве они не играют такую же роль в формировании твоего характера, мировоззрения, твоих морали, знаний, интересов, привычек?».

Письмо, написанное родному дяде Георгием Григорьевичем после смерти отца, видному композитору, этнографу, пианисту, Николаю Фадеевичу Тигранову, позволяет понять и генетику его интеллекта, и основы бережного отношения к стране предков: «Дорогой мой, ты теперь стал единственным нашим патриархом, вокруг которого мы должны сплотиться. Ты знаешь, я старался совершенствоваться, учиться, главным образом, для папы, так как моя цель была давать ему моральное удовлетворение. И я доволен, что ни

разу ничем его не сердил и что он был спокоен за меня, что я на правильном пути... И конечно, как только я кончу вуз, все мы переедем в дорогую Армению, для которой папочка никогда не жалел своих сил и для которой вырастил и меня»².

Тигранов является автором большого количества музыковедческих работ. Изучая его научные труды, осознаешь широту и разнообразие разрабатываемых им тем: зарубежная, русская, армянская музыка. Центральное место в его творчестве занимает капитальное исследование «Армянский музыкальный театр» в 4-х томах, воссоздающий историю развития национального музыкального театра от истоков до 90-х годов XX столетия. Этот труд был высоко оценен, воспринимался как «вспахивание целины» (Ю. Н. Тюлин). Чрезвычайно важно напомнить мнение Б. В. Асафьева, который ценил глубину и обстоятельность исследований ученого, «серьезное и внимательное отношение к делу, исследовательскую дисциплину, обстоятельные познания и чуткую музыкальность, благодаря чему Тигранов никогда не удовлетворялся поверхностным (хотя и словесно привлекательным) анализом музыки «на слух», и обобщениями, не учитывающими свойств материала». Помимо трудов, посвященных опере, балету, симфонии, Тигранов написал монографии: «А. А. Спендиаров: по материалам писем и воспоминаний», «Аро Степанян», «Константин Сараджев», «Арам Хачатурян». После публикации этих книг, Георгию Григорьевичу адресовали благодарственные письма друзья и родственники героев книг. Они находятся ныне в Архиве Г. Г. Тигранова в Государственном музее литературы и искусства

¹ Тигранов Г. Г. Из прошлого в будущее: о моих учителях. (Рукопись). — Архив Г. Г. Тигранова в Государственном музее литературы и искусства имени Е. Чаренца (далее — ГМЛИ имени Е. Чаренца).

² Письмо Г. Тигранова к Н. Ф. Тиграняну (Ленинград, 21.03.1930 года). — Архив Г. Г. Тигранова. ГМЛИ имени Е. Чаренца.

имени Е. Чаренца в Ереване, наряду с большим количеством документов, рукописей, фотографий, писем и телеграмм.

Отмечая 100-лети со дня рождения выдающегося представителя исторического музыковедения Г. Г. Тигранова в Санкт-Петербургской консерватории необходимо напомнить о том, что именно в северной столице России нашли свое признание многие деятели армянской культуры: Р. Патканян, Х. Абовян, М. Налбандян, Г. Сундукян. Питомцем Петербургской академии художеств был классик армянской живописи Г. Башинджагян, первая крупная работа которого была удостоена серебряной медали. Ему принадлежат строки: «Армянская нация тесно связана с Россией <...>. В этой обширной стране существующие художественные общества с любовью принимают каждого художника, независимо от происхождения и национальной принадлежности»³.

В Санкт-Петербурге получил образование и совершенствовался будущий зодчий современной столицы Армении — города Еревана — архитектор А. Таманян. Не продолжая перечень имен, хотелось бы привести слова поэта С. Городецкого: «Вообще влияний не бывает. Существует взаимовлияние, вернее, взаимодействие. Вот, например, разве Валерий Брюсов не помог, раскрыв русскому читателю великолепную картину армянской вековой культуры и литературу? <...> Убежден также, что переводы Аветика Исаакяна, которые так творчески любовно создал Александр Блок, не могли не помочь ему в его творческих исканиях»⁴.

О взаимодействии и взаимовлиянии в музыкальном искусстве хочется более подробно рассказывать на примере личности, в ком сроднились две культуры — армянская и русская, два духовных начала срослись корнями.

Георгий Григорьевич Тигранов — выходец из Александрополя, уроженец Санкт-Петербурга, доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств Армении и заслуженный деятель искусств России, лауреат государственной премии Армянской ССР.

Род Тиграновых (Тигранянцев) происходит от старинных армянских дворянских фамилий, и по преданию они были исконными жителями одной из древних столиц Армении Ани⁵. Одна из церквей города была выстроена ими, и были ворота, имевшие имя «Дурк Тигранянец»⁶. Исходя из сложившихся исторических событий, Тигранянцы переселились в Карс. В книге «Раны Армении» Х. Абовян пишет о деятельности Тиграновых и о вкладе, внесенном в процесс переселения населения: «Где наш пользующийся мировой известностью дом Тигранянов Карсских, которые как отец родной, все свое богатство сгубили, растратив его на переселение бедного своего народа в сохранности в этот край» (освещаются события 1828 года)⁷. Впоследствии Тигранянцев утвердили в потомственном российском дворянстве, и они стали называться Тиграновыми. За Карсом последовало переселение в Александрополь⁸. В семье коменданта Александропольской крепости полковника Фадея Тигранова было

10 детей, среди которых были генерал и музыкант, филолог и историк. Все братья играли на различных музыкальных инструментах, организовывая небольшие ансамбли для домашнего музицирования.

В семье одного из сыновей Григория Фадеевича Тигранова — профессора естественных наук — в Петербурге в 1908 году и родился Г. Г. Тигранов. В родительской квартире на Фонтанке бывали артисты, музыканты, художники, ученые. Здесь музицировали и спорили о научных проблемах, говорили о литературе и искусстве. «Воспитали меня не только наставники в школе, вузе, но гораздо более широкий круг замечательных людей, с которыми мне посчастливилось общаться <...>. Среди тех, кого я видел в детские и юношеские годы в нашем доме: классик армянской музыки Александр Спендиаров; выдающийся композитор Р. Глиэр, замечательный русский певец И. Ершов, <...> крупный ученый Карпинский, колоритнейшая личность — И. А. Орбели; профессора Петербургской консерватории: скрипач И. Налбандян, М. Чернов, Х. Кушнарев, Ю. Тюлин, А. Адамян; превосходные певцы — С. Акимова, А. Даниелян; видный художник Г. Башинджагян и многие другие», — вспоминал Г. Тигранов⁹. Являясь представителями передовой армянской общественности в Петербурге Тиграновы читли так же армянские традиции семьи. В доме были картины, напоминающие о городе, где родился и вырос отец Георгия Григорьевича, портреты предков, большая библиотека, где были труды Марра, Орбели, Ланга, Адонца и других. Ежегодно зимой гостил у Тиграновых родной брат отца, Николай Фадеевич Тигранян, известный армянский композитор и знаток музыки Востока, который впервые обработал для рояля, скрипки, камерных ансамблей образцы музыкального фольклора Ближнего Востока. Благодаря ему Георгий Григорьевич познал армянскую народную музыку.

Широко известен тот факт, что классик армянской музыки А. А. Спендиаров воспользовался записями Николая Фадеевича в своей опере «Алмаст».

Встреча Тигранова с Асафьевым, состоявшаяся в 1929 году, утвердила его в выборе своей специальности — музыковедение. Именно Асафьев первым заметил способность Тигранова к самостоятельной научной деятельности. Он ценил в Георгии Григорьевиче «серьезное и внимательное отношение к делу, исследовательскую дисциплину, обстоятельные познания и чуткую музыкальность, благодаря чему Тигранов никогда не удовлетворяется поверхностным (хотя и словесно привлекательным) анализом музыки “на слух” и обобщениями, не учитывающими свойств материала»¹⁰. О литературной привлекательности работ Тигранова писал и Арам Ильич Хачатурян: «Эта книга мне еще важна потому, что ее пишет Вы. Вы не только ученый и музыковед, но и писатель»¹¹.

Тигранов является автором большого количества музыковедческих работ. Изучая его научные труды, осознаешь широту и разнообразие разрабатываемых Георгием Григорьевичем тем: зарубежная, русская, армянская музыка. Выстроив в ряд труды исследователя,

³ Башинджагян Г. Из воспоминаний // Мшак [газ.]. — 1916. № 70.

⁴ Гракан терт [газ.]. — 1959. № 14 (978), 10 апр.

⁵ Выписка из родословной Тиграновых. — Архив Г. Г. Тигранова. ГМЛИ имени Е. Чаренца.

⁶ Двери Тигранянцев.

⁷ Абовян Х. Раны Армении. — М., 1897. С. 188.

⁸ Ныне город Гюмри.

⁹ Тигранов Г. Г. Из прошлого в будущее...

¹⁰ Асафьев Б. В. Отзыв о Г. Г. Тигранове. — Архив Г. Г. Тигранова. ГМЛИ имени Е. Чаренца.

¹¹ Письмо А. Хачатуряна к Г. Тигранову от 28.08.1972 года. — Архив Г. Г. Тигранова. ГМЛИ имени Е. Чаренца.

по ним можно проследить многие значимые вехи отечественной музыкальной культуры.

Центральное место в его творчестве занимает капитальное исследование «Армянский музыкальный театр» в 4-х томах, воссоздающий полную панораму развития национального музыкального театра от истоков до 90-х годов XX столетия. А история создания этого титанического труда начинается в Армении в конце 1930-х – начале 1940-х годов, куда Тигранов приезжает по официальному приглашению Правления по делам искусств Армянской ССР для чтения лекций в Ереванской консерватории.

Следующая встреча состоялась в годы тяжелых испытаний, когда в конце февраля 1942 года ослабевшую семью Тиграновых вывезли по знаменитой Дороге жизни из Ленинграда в Ереван.

«Когда же утром восход солнца осветил ликующим светом двуглавый Арарат, в душе возникло какое-то успокоение, философское возвышение над пережитыми ужасами. Человечество беснуется в злобе и разрушительных войнах, истекает кровью, истерзано страданиями, а природа непоколебимо стоит в своем мудром величии»¹², — вспоминал Георгий Григорьевич.

Начиная с этого момента и до конца своих дней Г. Г. Тигранов был связан с двумя городами: Санкт-Петербургом, где родился и получил образование, и Ереваном — столицей Армении, которой он остался верен навсегда. Он включился в общественную и музыкальную жизнь республики: преподавал в консерватории, возглавил Музыкально-научный кабинет имени Романоса Меликяна, где среди архивов обнаружил нотный материал предполагаемой оперы Т. Чухаджяна «Аршак Второй». Изучение и восстановление партитуры этого произведения дало возможность выдвинуть довольно смелую гипотезу зарождения армянской оперы в 60-х годах XIX столетия. Родился стимул для дальнейшей научной деятельности и докторской диссертации «Пути и проблемы развития армянского оперного театра». Впоследствии Георгий Григорьевич вспоминал день защиты своей докторской в Ленинградской (ныне Санкт-Петербургской) консерватории: «Волновало то, что в этом чудесном северном городе, в среде русских ученых и музыкантов, в переполненном зале, с таким живым интересом и знанием обсуждались исторические пути и судьбы развития армянской музыки, спорили о творчестве Комитаса, Спендиарова и Чухаджяна. Никогда не забуду проникновенных слов официального оппонента, члена корреспондента Академии наук СССР профессора А. В. Оссовского». В архиве находится много самых разных записей. Это отрывки воспоминаний или черновики писем, часть без адресата. Ясно только, что они

отсылались из Петербурга в Ереван. Большую заслугу Тигранова в изучении огромных пластов армянской музыкальной культуры в своих выступлениях подчеркивали Б. Асафьев, Х. Кушнарев, Ю. Тюлин и другие.

Тигранов выступал также с многими темами, посвященными русской классической и современной музыке: «Романсы Танеева»¹³, «Великие традиции русской классической музыки»¹⁴, «Сокровищница русской оперной культуры»¹⁵, «Советская музыка за 40 лет»¹⁶, аналитические очерки о Седьмой и Одиннадцатой симфониях Д. Д. Шостаковича. Много работ посвящено взаимообогащению двух музыкальных культур: «Горький и Спендиаров»¹⁷, «Римский-Корсаков и Спендиаров»¹⁸, «В работе над оперой»¹⁹, Асафьев об Армении²⁰, «Шостакович и Армения»²¹.

Выступления музыковеда Тигранова на «Шостаковичевских чтениях» в Ленинграде дополнялись интересными фактами из личных встреч и бесед с композитором. Георгий Григорьевич подробно освещал события, связывающие Шостаковича с Арменией: переписка с К. С. Сараджевым; дружба с М. Шагинян, которую Шостакович высоко ценил. «Однажды, Дмитрий Дмитриевич изумил меня ссылкой на стихи древнеармянского поэта-мыслителя Фрика²² “Поразительно, — сказал Д. Д., — что этот замечательный поэт не только воспел человека, но и дерзнул поднять голос даже против Бога. Ведь это уже предвестие ренессансного мышления”», — пишет Тигранов. Георгий Григорьевич вспоминал также о намерении Шостаковича написать две вокальные поэмы для голоса с оркестром на стихи Исаакяна «Наши историки» и «Наши гусаны». И желание свое он объяснял Тигранову тем, что чувствовал в них нечто близкое к Мусоргскому, «только на армянский лад». Тигранов приводил примеры заинтересованности Шостаковича армянской музыкой, молодыми композиторами, к процессу укрепления армянской композиторской организации и отмечал выдающуюся роль Шостаковича в постоянных связях двух культур.

В заключение хотелось бы отметить педагогическую деятельность Тигранова, объединявшую представителей разных национальных культур. Не один десяток музыковедов и музыкантов-исполнителей воспитал высокопрофессиональный специалист с широким взглядом на сущность музыкальных явлений, отлично разбирающийся в стилевых особенностях музыки разных народов. Верные заветам Г. Г. Тигранова: культуре труда ученого, уважению к музыкальным традициям и новым художественным веяниям — представители музыкаледческой школы Георгия Григорьевича Тигранова продолжают следовать им в разных вузах стран СНГ и зарубежья.

¹² Тигранов Г. Рукопись. — Личный архив И. Г. Тиграновой.

¹³ Тигранов Г. Г. Романсы Танеева: исследование / Рукопись. — Архив Г. Г. Тигранова. ГМЛИ имени Е. Чаренца.

¹⁴ Тигранов Г. Великие традиции русской классической музыки // Советакан арвест [журн]. — 1969. № 1.

¹⁵ Тигранов Г. Сокровищница русской оперной культуры // Советакан арвест [журн]. — 1970. № 5.

¹⁶ Тигранов Г. Советская музыка за 40 лет // Советская музыка. — 1957. № 2.

¹⁷ Тигранов Г. Горький и Спендиаров // Советакан арвест [журн]. — 1968. № 3.

¹⁸ Тигранов Г. Римский-Корсаков и Спендиаров // Н. А. Римский-Корсаков и музыкальное образование. — Л., 1959. — С. 170–178.

¹⁹ Тигранов Г. В работе над оперой // Р. М. Глиэр. Статьи. Воспоминания. Материалы. Т. 1. — М.; Л., 1965. — С. 129–134.

²⁰ Асафьев Б. В. Моя дорогая Армения // Дружба. Т. 1. — Ереван, 1960. — С. 522–524; Он же. Очерки об Армении / Сост., ред., автор вступ. статьи Г. Г. Тигранов. — М., 1958.

²¹ Тигранов Г. Шостакович и Армения / Доклад на Шостаковичевских чтениях в Ленинградской консерватории. — Л., 1980.

²² Фрик (ок. 1230–1310) — армянский поэт.

Незабываемая личность

7 апреля 2008 года исполнилось 100 лет Георгию Григорьевичу Тигранову — профессору, доктору искусствоведения, лауреату государственных премий, выдающемуся деятелю отечественной культуры и просто замечательному человеку.

Сегодня трудно говорить о нем в прошедшем времени, настолько он жив в памяти всех, кто его знал. Знали его все, кого жизнь связала с Ленинградской консерваторией в последние «предреформенные» десятилетия¹. Георгий Григорьевич был ее символом, олицетворяющим традицию асафьевской школы отечественного музыкального искусства, отблески ее славы и гордости.

«Уходят люди, заменой которым мы не являемся» — говорилось в траурных речах дня его похорон. Это так, и дело не только в профессионализме. Был еще уровень нравственности, интеллигентности и доброты, была душевная чистота человека, который всегда выше обыденного, всегда на том уровне общения, где нет обид и ненужных амбиций, но есть беззаветное служение музыке и искреннее уважение к коллегам, даже совсем юным.

Мы счастливые люди, мы застали консерваторию, являющую собой воплощение лучших традиций петербургской интеллигенции. К ней относился и Георгий Григорьевич Тигранов, дипломником которого (как выяснилось, последним) мне довелось быть. С высоты прожитых лет великое видится особенно, но и студенту иногда доводится понять уровень духовно-нравственного и профессионального совершенства, к которому надлежит стремиться.

Наш выпуск (1979 года) пришелся на период межвластия: прежнего ректората нет уже, нового — еще, а дипломы выпускникам должен вручить кто-то — самый достойный, самый почитаемый. Вручал Г. Г. Тигранов. Более яркого олицетворения элитного слоя консерваторской профессуры, по-видимому, просто не было.

Сегодня многие пытаются поднять вопрос методологии преподавания музыкально-исторических дисциплин в современном вузе в диссертационных исследованиях музыкально-педагогического профиля. Успехов пока не видно. Они были у тех, кого мы сегодня вспоминаем.

Мне кажется, Георгий Григорьевич Тигранов жил по известной мудрости врача: главное — не навреди!

О своей методологии не говорил, полагаю, и не думал. Возьмем смелость подумать за него и выделить ряд основополагающих позиций, насколько я о них догадываюсь и формулирую, опираясь на выдержки своего дневника студенческих лет:

1. Уважительно относиться к ученику, не позволяя себе даже минимальных моментов деспотизма в творческом процессе.

2. Никогда не навязывать научных тем, если ученик имеет иные замыслы.

3. Никакого давления в построении общего плана исследования, но корректно-содержательное руководство, при котором ученик неизбежно приходит к положениям учителя так, словно к результатам своих постепенно созревающих заключений.

4. Внимательно-чуткое отношение к позиции собеседника-ученика, даже если он за пределами молод и неопытен.

5. Деликатность в работе над текстом рабочего материала (даже незрелого) и неизменно доброжелательная готовность вникнуть в его суть. Здесь поясню: предварительная оценка стереотипна по определению: «Прочитал. В целом — хорошо! Кое-что надо обсудить». За этим «кое-что» — вычеркнутые полустраницы или рекомендации к изъятию целых разделов с заменой их тем, что и в самом деле будет «хорошо».

Думается, за всем этим стояло стремление не подавить веру ученика в собственные силы, и тогда... он сам поймет... и быстро... «что такое хорошо». И это понимание приходило. Т. е. всегда была дирижерская палочка, только ученик не должен был ее видеть. «Руководитель в науке не может и не должен быть авторитарным». Подобных слов Георгий Григорьевич не говорил. Они вытекают из его манер научного общения. В нем не было претензий на поиск особой, авторской методологии, как тем более не было это самоцелью.

Просто это был Ученый, музыковед-исследователь, горячо любящий свое дело. Георгий Григорьевич и умер за письменным столом, работая над своей последней книгой, как подобает Ученому. Светлая ему память. Завершу известной мудростью: человек жив, пока жива память о нем.

¹ Георгий Григорьевич Тигранов скончался 5 февраля 1991 года.

Моя благодарность

Дорогие коллеги, дорогие друзья! Примите мою глубочайшую благодарность за то, что в наше, столь непростое, время вы сделали возможным мой приезд в Санкт-Петербург на празднование 100-летнего юбилея моего папы, в город, где родились мои родители, где родилась и я; и низкий вам поклон еще и за то, что дали мне повод прочувствовать, осмыслить и изложить, кем был для меня мой отец Тигранов Георгий Григорьевич. Я написала об этом в книгу¹, изданную к юбилею в Санкт-Петербурге. Сегодня же хочу только сказать, что с папой всегда было связано ощущение праздника — радостного, неожиданного, полного света и жизнелюбия. Именно папа разгадал во мне мое настоящее призвание (поступила я в консерваторию на фортепианный факультет, а уже через год — и на музыковедческий) и превратил мою профессиональную жизнь в источник творческой энергии и человеческой радости.

7 апреля в день рождения папы Эра Суреновна Барутчева привезла из типографии, и как прекрасно, что именно в этот день, книгу «Георгий Григорьевич Тигранов. К 100-летию со дня рождения: Статьи. Материалы. Воспоминания». В ней поразительным образом воссоздан в разных красках и интонациях облик ученого, педагога, оратора, друга — Человека Тигранова.

Россия и Армения, Ленинград и Ереван, географически не столь близкие, но навсегда скрепленные многовековой дружбой, нашли в жизни и творчестве Тигранова гармоничное и плодотворное единение.

Родился в Петербурге, в семье, своими корнями уходящей в глубь известного армянского рода Тигранянцеv; женился на русской коренной петербурженке, которая с 1942 года до последних лет своей жизни (1990) жила в Ереване. Воспитанник славной Ленинградской консерватории, он с 1939 года преподавал в Ереванской государственной консерватории, закладывая основы армянского музыкознания, основываясь на заветах своих учителей Асафьева, Грубера, Соллертинского... Увлекался оперной драматургией Верди в студенческие и аспирантские годы в Ленинграде, а в 1943 году в архивных материалах нашел партитуру первой армянской оперы композитора Тиграна Чухаджяна «Аршак Второй» (1868), которая считалась сгоревшей в пожаре театра в Константинополе. Взяв за основу своей научной работы (в частности докторской диссертации), по совету Б. В. Асафьева, развитие армянской оперы от возникновения до 90-х годов XX века (четыре тома истории Армянского музыкального театра), предложил этот принцип изучения национальных музыкальных культур не только музыковедам Армении (появились работы, посвященные армянским симфониям, вокально-симфонической и камерно-инструментальной музыке), но и представителям других республик, которые учились у Тигранова.

Так будем же надеяться и стараться, чтобы узы человеческого и творческого общения приобретали новые силы и новые ракурсы во благо музыки и жизни человеческой на земле.

¹ Георгий Григорьевич Тигранов. К 100-летию со дня рождения: Статьи. Материалы. Воспоминания / Сост.: Э. С. Барутчева, И. К. Тигранова; Ответ. ред: И. С. Барутчева. — СПб: Сударыня, 2008.

Информация для авторов

К печати принимаются ранее не публиковавшиеся материалы.

Тексты предоставляются в редакцию в электронном виде (на дискете 3,5 дюйма или на компакт-диске (CD)) с приложением распечатки в 1 экз. (текст печатается с одной стороны листа форматом А4, страницы нумеруются), либо присылаются по электронной почте: musicus_cons@mail.ru.

Материалы должны быть снабжены сведениями об авторе (фамилия, имя, отчество, место работы/учебы, ученое звание, должность, телефон, адрес электронной почты) и фотографией автора.

Требования к оформлению текста

Объем статей не должен превышать 0,5–0,7 п.л. (20000–28000 знаков) в редакторе Microsoft Word.

Текст **не форматирован**, то есть не имеет табуляций, колонок и т.д.

КЕГЛЬ в основном тексте — 12, в сносках — 10.

МЕЖСТРОЧНЫЙ ИНТЕРВАЛ — полуторный.

АБЗАЦЫ отмечаются отступом в 1 см (но не с помощью табуляции или пробелов), интервал между абзацами — обычный.

ШРИФТОВЫЕ ВЫДЕЛЕНИЯ — курсив, жирный, жирный курсив.

КАВЫЧКИ — типографские «», внутри цитат — обычные “”.

НОТНЫЕ ПРИМЕРЫ — в формате *.mus, набранные в нотном редакторе Finale, или *.tif. Нумерация примеров внутри статьи — сквозная. В тексте ссылка на нотный пример выделяется курсивом в круглых скобках: (пример 5).

СНОСКИ — постраничные.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ составляется в алфавитном порядке и дается в конце статьи.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ в тексте отмечаются порядковыми цифрами в квадратных скобках по образцу: [1, 29].

СОКРАЩЕНИЯ должны быть расшифрованы и поданы отдельным списком в конце статьи.

ИЛЛЮСТРАЦИИ (фотографии) и нотные примеры формата *.tif принимаются в электронном виде на компакт-диске, разрешение 600 точек на дюйм (сканировать необходимо в натуральную величину). Следует указать: автора, название публикации, порядковый номер фотографии/рисунка.

К тексту статьи должен прилагаться полный перечень иллюстраций и нотных примеров.